

12+

МАРИНА ВИШНЯКОВА

Счастье

70 РАССКАЗОВ О ХОРОШЕМ

Марина Вишнякова

**Острова. Семьдесят
рассказов о хорошем**

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Вишнякова М. В.

Острова. Семьдесят рассказов о хорошем / М. В. Вишнякова —
«ЛитРес: Самиздат», 2020

Эта книга представляет собой путевой дневник увлеченного путешественника. Но не ищите в ней рекомендации туристических маршрутов и советы по выбору отелей и блюд. Такого тут нет. Зато есть много забавных зарисовок о разных городах, людях и даже собаках. Есть оливковые рощи и впечатляющие закаты над морем. Есть смешные истории про местных жителей и туристов. Есть ироничные наблюдения за другими и подшучивание над собой. Есть ощущение счастья и радости бытия – даже тогда, когда образ жизни приходится менять по независящим от автора и читателя обстоятельствам. Короче, есть все, что нужно для легкого чтения в любую погоду, в любом месте планеты, в любом настроении. Эта книга позволяет читателю побыть одному, но не оставит его в одиночестве.

© Вишнякова М. В., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

От автора	6
Желание	7
Предисловие	8
Глава первая. И увидел он, что это хорошо. Корфуанские хроники	9
Параллельный мир. Начало	9
Если бы я мог представить себя богом	12
Зазеркалье	15
Альтернативная стратегия	17
Забастовка по-гречески	20
Аврио как первичное яйцо мироздания	22
Аполлон или Чисто корфуанская история	24
Корфуанская кадрили	25
Дожди на Корфу	27
Бежево-розовый город моих снов	29
Утренние встречи	31
Собаки	33
И снова собаки	35
Трудности перевода	36
Два мира – два зефира	38
Англичане и собаки	39
Соня	40
Вам понравится	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рецензия на книгу М. Вишняковой "ОСТРОВА. 70 рассказов о хорошем"

Я никогда не была на греческих островах, и на Корфу тоже не была.

Но теперь, после прочтения книги, когда я туда попаду, вероятно, испытаю дежавю: настолько глубоко и наглядно показан в книге местный колорит.

Первую половину книги я проживала с ощущением, что мне доверили тайну, вторую – что я болтаю с мудрой подругой, которая живет в другой стране.

Марина Вишнякова известна как популярный автор бизнес-литературы, в частности книг про КРІ.

Так вот не знаю, была ли у автора такая цель, но ее художественная книга взяла и... «продала» мне Корфу. Я теперь туда хочу больше, чем куда-либо еще.

В бытность моей работы чиновником, я из каждой командировки привозила книгу о регионе, в котором побывала. Это был солидный и статусный подарок.

Такие книги, как правило, никто не читает: они состоят из скучных текстов, сложных исторических и краеведческих справок, и созданы для того, чтобы стоять в кабинетах министров, кокетливо сверкая обложками.

И я вот каждый раз думала: а разве нельзя придумать солидную, но интересную книгу о регионе? Чтобы и как статусный подарок проходила, и чтобы читать было действительно интересно?

Книга "Острова. 70 рассказов о хорошем" закрыла все мои геештальты в данном вопросе – это идеальное сочетание художественной литературы и просветительской миссии.

И чтение для души, и путешествие.

В книге есть фраза, что любой островитянин носит свой остров с собой.

Я не островитянин, но благодаря этой книге, теперь и я ношу.

Спасибо, Марина!

Ольга Савельева

Популярный блогер с международной аудиторией более 80 тысяч человек, писатель, автор бестселлера «Апельсинки», вошедшей в топ самых продаваемых книг 2017 года, победитель в номинации "Лучшая художественная книга" по версии OZON

От автора

Эта книга представляет собой путевой дневник увлеченного путешественника. Но не ищите в ней рекомендации туристических маршрутов и советы по выбору отелей и блюд. Такого тут нет. Зато есть много забавных зарисовок о разных городах, людях и даже собаках. Есть оливковые рощи и впечатляющие закаты над морем. Есть смешные истории про местных жителей и туристов. Есть ироничные наблюдения за другими и подшучивание над собой. Есть ощущение счастья и радости бытия – даже тогда, когда образ жизни приходится менять по независящим от автора и читателя обстоятельствам. Короче, есть все, что нужно для легкого чтения в любую погоду, в любом месте планеты, в любом настроении. Эта книга позволяет читателю побыть одному, но не оставит его в одиночестве.

Желание

..очень хочется в летнем выцветшем платъище босиком по нежной пыли дороги через дамбу на море...и ракушечки такие маленькие на сухие длинные травинки прицепились... и цикады мелкие крымские трещат...а дома ждет бабушка, сварившая свежий борщ... в сметане с рынка ложка стоит... и старая баночка растворимого кофе припасена еще – и в растворимый кофе добавить этой сметанки и, не скупясь, сахару...и разговоры, разговоры густым летним вечером во дворе под виноградником и лампой, висящей над столом на проводе и раскачивающейся от ночных толстых бабочек, то и дело садящихся на нее с размаху...и впереди вся жизнь еще и столько счастья, что не вычерпать... и, конечно же, мы все веселые, смеющиеся и совершенно бессмертные – и бабушка, и мама, и папа, и соседка тетя Люба, и дядя Леня, и все-все-все... и я...

потом так и будет обязательно

я знаю

Предисловие

Есть два принципиально разных типа менталитета: континентальный и островной.

Островной менталитет отличается от континентального самодостаточностью. И это понятно – если на континенте то, чего у тебя нету, можно взять у соседей за забором. Сами дадут или отнимешь – это уже другая тема. Главное, ты уверен, что мир – это стабильная неисчерпаемая суша, и у тебя впереди полно времени, чтобы ее освоить.

А вот когда ты на острове, у тебя есть только то, что есть на твоём острове. Остальное – вода. В которой ты, может, и живешь ярко, но недолго. Поэтому тебе кажется, что твой остров – это весь мир. И твой мир – маленький и хрупкий. И ты его строишь в соответствии с твоими представлениями о мире. Недаром утопические теории говорили о создании продвинутого государства без эксплуатации именно на острове (даже пресловутая Земля обетованная, по сути, тот же остров, ибо отделена от основных поселений пустыней). На острове все друг друга знают, и поэтому здороваются. На острове помощь от соседа – жизненная необходимость: ждать-то ее более неоткуда. Поэтому с соседями должны быть отношения либо хорошие, либо – позитивный нейтралитет. Да и требования к соседу обычно исчерпываются очень простым: чтобы он был.

На твоём острове – ты сам являешь собой Творца, а поэтому милостив к обитателям его населяющим: это и корм, и общество. На острове ты чтить традиции и законы, так как сам же их создавал, понимая, зачем и почему.

Что заставляет тебя покинуть твой остров? Иллюзия, что можно расширить свою Вселенную на всех, потому что у тебя так классно получилось! Однако, будучи островитянином, ты навсегда останешься его, острова, жителем – даже вдали от него. Поэтому англичанин – подданный Ее Величества в любой стране мира, даже если не был на родине десятки лет. И японец несет в себе дух самурая – хотя давно возглавляет фэшн бренд где-нибудь в Париже... Житель Новой Зеландии – народ «киви» – легко опознает своих на Пятой авеню... И хотя полуостров Камчатка присоединен тонким перешейком к суше, жители его опознаваемы на необъятном российском просторе и вообще в мире по островной привычке радоваться встрече с соплеменником-камачадалом, а не избегать отдыха вместе с «тоже русскими».

Островитянин носит свой остров с собой – в душе – и поэтому самодостаточен, но не одинок. Его остров всегда с ним.

Самодостаточность островитян настолько привлекательна, что многие стараются ей подражать. Островитянин – как носитель и создатель собственной Вселенной – больше похож на Бога, чем массовые континентальные копии Творца (на мой взгляд, конечно). Он – продукт ручной сборки, а для заселения континентов, наверное, уже применялась штамповка. Поэтому от островитян часто ждут откровений и поддержки все остальные и зачастую находят. И поэтому, кстати, "никогда, никогда, никогда англичанин не будет рабом!" (слова из гимна Великобритании). И из японцев тоже рабы не получаются.

Потому что любой островитянин навсегда принадлежит только своему острову.

Глава первая. И увидел он, что это хорошо. Корфуанские хроники

Параллельный мир. Начало

*Когда Бог создавал время,
Он создал его достаточно*
Ирландская поговорка

... в конце трудовой недели творенья сказал Он, что это – хорошо. Но потом взглянул еще раз на цветной шарик, вылепленный Им из Ничего, на его обитателей, и понял, что чего-то не хватает для совершенной гармонии. Выпуклый веселый шарик нуждался в точке отсчета: точке начала и конца всего сущего. Пути Мира. Бог прикоснулся к центру шарика, выбрав наиболее яркое сочетание красок в месте касания – и хотел поставить там точку. Однако, поскольку Ему очень понравилась его работа, Он захотел оставить возможность для продолжения. И точка превратилась в запятую – яркую, драгоценную, сверкающую всеми цветами радуги, включая промежуточные оттенки, сосредотачивающую в себе весь Смысл Творения и, в то же время, подчеркивающую неоднозначность этого Смысла... И это было не просто хорошо, это было упоительно совершенно. Картина Мира получила недостающую деталь в свою мозаику, а все живое и неживое – эталон преддверия Рая.

Так появился остров Корфу.

Остров сразу был наделен правом выбирать своих обитателей, климат, погоду, запах и цвет... короче, на Небесном складе ресурсов и инструментов заказы от Корфу всегда выполнялись в первую очередь. А поскольку на Небесном складе (в отличие от земных) никогда не бывает так, чтобы чего-то из требуемого не было, снабжение чистым воздухом, пресной водой, плодоносящими деревьями и кустарниками, рыбами, птицами, животными, солнцем, морем, счастьем, покоем, удовольствием, весельем и всем прочим было бесперебойным.

Время от времени разные люди называли себя хозяевами острова, но никто так и не стал его "главной ассоциацией". Остров изначально был Садам Богов, и смертные – это лишь декорации, оттеняющие их пребывание. Одиссей на пути за Золотым Руном провел тут немало времени с местными богинями – и его окаменевший корабль стоит на вечном приколе, охраняя подступы к острову со стороны материка. Венецианцы правили тут 400 лет, оставили после себя характерную пастельно-вылинявшую кружевную архитектуру и некоторое количество генного материала: иметь в роду венецианцев означает входить в местную аристократическую элиту. Англичане правили на острове 130 лет и до сих пор из 100 тысяч жителей острова 30 тысяч – англичане. Нынешний муж Ее Величества, принц Филипп, отсюда родом... Да мало ли кто отсюда родом – вот, скажем, известная семья Bulgari... Вообще есть ощущение, что корни Корфу можно найти практически в любом человеке.

Корфу был столицей Ионических островов – отдельного государства, неохотно присоединившегося к Греции. Отношение Корфу к Греции примерно такое, как вашего кота к вам. Вы уверены, что точно знаете, кто кому хозяин? Вот то-то... То есть, Греция Корфу гордится,

а Корфу Грецию терпит. Сиртаки тут исполняют редко (по заказу туристов), зато охотно танцуют островные танцы...но об этом потом.

Пуп Мира – что еще тут скажешь?

Правления турок на острове не было, мусульмане крайне не приветствуются, мечеть запретили строить решением администрации Керкиры (единственного и одновременно центрального города Корфу), официальная религия – православие. Поэтому русских пока любят – их тут немного и они смирные. Бывали тут многие, а вот повторно или часто – только избранные. Остров сам выбирает себе жителей и гостей, как я уже писала.

На Корфу исчезает весь остальной мир. Люди теряют представление о времени, днях недели, сторонах света и мировых событиях примерно на третьи сутки пребывания тут.

Однако это исчезновение всего остального мира является настоящим бременем для тех, кто на Корфу родился, но по сути своей более активен, чем просто философ-наблюдатель (основной типаж коренного жителя острова). Вырваться с Корфу почти невозможно. Ведь это – Пуп Мира. А как можно стартовать что-то иное из Пупа? Покрутишься-повертишься – и туда же вернешься. Пространство Корфу искривлено так, что лента Мёбиуса грустит от своей понятности.

Один мой активный корфуанский приятель, неуспокоенная душа, вот уже десять лет на моих глазах агонизирует, пытаясь стартовать то один, то другой бизнес (с отличными бизнес-идеями, связанными с интернет-технологиями) – но неизменно вязнет в медовом философствовании своих сограждан, не поддерживающих его начинания. А самостоятельно изменить жизнь острова в сторону большей динамики ему не удастся. Понятно, почему его попытки бесполезны. Вот вам удавалось когда-нибудь совершить прыжок через пупок? Попробуйте, если не пробовали никогда, главное – шею не сверните. То, что островитяне сидят в фейсбуке, вовсе не означает, что они готовы как-то менять свой образ жизни и изготавливать что-то более сложное, чем оливковое масло и поделки из оливкового дерева. А зачем?...Ширпотреб на остров привозят те же англичане или китайцы. Любой товар мира можно выписать из Афин.

Да и много ли нормальному островитянину нужно для жизни? Пара друзей, пара пыльных собак, стаканчик вина, чашка кофе – и трюнди себе о всяком, дремли на стульчике в тени... У каждого жителя острова есть несколько оливковых деревьев, которые раз в два года плодоносят сами. Процесс простой: раскладываются под деревьями сетки, куда осенью падают созревшие оливки. Нанятый албанец все это собирает в мешки и относит/отвозит на маслодавильный пресс, имеющийся в любой деревушке. Из получившегося масла 10 % берет себе давитьщик, пару бутылок – албанец, остальное – твое. Хочешь, сам употребляй в пищу (стандартная еда – хлеб с оливковым маслом и немного разбавленного вина, благодаря чему островитяне – самая долгоживущая группа в Европе), хочешь – продай, чтобы на кофе хватило...Налоги на все шадящие, да и не факт, что их платят... 1 оливковое дерево дает пять-шесть мешков оливок, что даст 50–100 литров масла...

Сейчас на острове стали появляться активные русские. Любопытно наблюдать, как первые три дня они носятся, горя глазами, узнавая цены на недвижимость и планируя какие-то гостиницы, бизнес-центры и прочую атрибутику Большой земли. На четвертый день, как правило, все уже поют песни в ресторанчике Толстого Джорджа, на пятый – смотрят на звезды, затаив дыхание, на шестой – покупают местную симку и отключают московский телефон...

Есть, конечно, полностью нерефлексивные ребята, которые умудряются за две недели отдыха на Корфу пожаловаться на скуку и посетовать на то, что за те же деньги в Тур-

ции... Сразу понятно, что это разовые визитеры. Собственно, какая разница, что вынесет на берег морской волной? Ею же потом и смоеет все несущественное...

Если бы я мог представить себя богом

*Если бы я мог представить себя Богом, я бы стал им...
Стругацкие «Трудно быть Богом»*

Когда я была маленькой, а мой брат и тогда уже был большим настолько, что мог не только читать, но и сам выбирать, что именно читать, он нашел книжку Джеральда Даррела "Моя семья и другие звери". Прочитал сам, прочитал мне. Потом это стало привычкой в нашей родительской семье – вслух читать особо полюбившиеся места из этой книжки... Потом я эту книжку перенесла в свою семью, немедленно «заразив» ею сначала мужа, и – по мере появления – дочь... Естественно, книга рекламировалась и давалась почитать друзьям, и где-то кем-то зачиталась на некоторое время... Зато она была практически первой из купленных в период начала конца книжного дефицита! При этом, у Джеральда Даррела, известного английского зверолова и зоолога, довольно недолго по нынешним меркам прожившего (всего 72 года), книг есть очень много. У нас они, конечно, имеются все. Но любимая – "Моя семья..."

Книжка, естественно, о Корфу. Она написана про ощущения 10-летнего мальчика, попавшего перед войной на Корфу вместе с мамой, двумя старшими братьями и сестрой, и прожившего там 4 упоительных года – возможно, вообще лучших из отведенных потом. Ему удалось передать атмосферу Корфу настолько, что увидеть остров своими глазами для меня стало мечтой жизни.

Знаете, что отличает мечту жизни от всех прочих «мечт»? Ужас перед ее конечностью. Ведь если у вас сбудется мечта жизни, то это означает одно из двух: либо вы дальше живете просто и незатейливо, без «мечт», либо, что вы уже как бы и не живете, ибо произошла самая главная «сбыча». Цель достигнута – что дальше? Помните, в веселой комедии "О чем говорят мужчины" сетования Андрея Макаревича о том, что, дескать, не стало будущего? Вот-вот...

Поэтому я не торопилась на Корфу.

Вдобавок мне было очень страшно приехать – и не увидеть там своих детских привычных ассоциаций, которые настолько подшкурно вросли с каждым новым витком прочтения любимой книжки Даррела, что стали жить сами по себе. Радостное предчувствие Корфу не предполагало визитов на фактический Корфу. Потому что Корфу для меня был настроением детства. С его уютной защищенностью, теплом домашнего круга, звуком голоса брата или родителей, читавших мне вслух наиболее смешные главы, полным переносом себя в ту виртуальную реальность, которая имела уже цвет, запах, звук, объем, и не нуждалась в привязке к конкретной территории... Я росла в Молдове и Крыму – климат которых чем-то напоминал описываемые в книжке корфуанские сезоны... И растительность похожая, и цикады трещат летом, и звезды большие и низкие, и ночи черные и бархатные...

Корфу из книжки Даррела переплелся с моим детством намертво.

И вот как, скажите на милость, при таком раскладе взять и поехать туда?? И что делать, если он другой?

Я много езжу по миру, потребовалось несколько лет и пробный визит в Грецию на Крит (не понравился совершенно) и на Санторини (прикольно, декоративно, сказочно, не мое), чтобы отважиться поехать на Корфу.

Мы поехали маленькой семьей – с мужем и дочкой. Не в разведку, а наощупь. При этом, как «отельные туристы», в лучший пятизвездочный отель (Корфу Империял). Был у нас тогда такой период состоятельных лентяев, которые ездят по разным странам, останавливаются в пятизвездочных отелях и думают, что увидели страну... Это потом, поумнев (в т. ч. благодаря Корфу), мы стали ездить как нормальные люди, останавливаясь в апартаментах или в трех звездах – и проводить 100 % своего времени ВНЕ того места, куда приползли спать.

Так вот. Тогда, повторю, мы еще приехали как дураки. А, кстати, может специально – берегли себя. Дескать, ну приехали на Корфу, но ведь в системный отель, а поэтому какая разница, на что он, отель, похож? А поэтому можно и не сравнивать!

Осторожный пловец таким образом пробует воду кончиком большого пальца ноги, прежде, чем прыгнуть. Гурман так принимает еду, но не берет ее в рот.

Ребенок, уже сталкивавшийся с жизнью, так трогает кота, опасаясь того, что пушистый комочек превратится в зубы и когти – не гладит, а трогает вытянутым указательным пальчиком, готовый отдернуть в любой момент и убежать.

Корфу понял и простил.

Он очень постепенно стал нас втягивать в себя, а мы аккуратно ходили первые три дня вокруг отеля на расстоянии 300 метров, готовые немедленно убежать под привычную защиту единообразия, если ожидания как-то нарушатся. Ожидания висели в мареве летней жары – и превращались в сказочные фотографии острова, которые сделала дочка в ту поездку. Мне, порой, кажется, что это ее лучшие фотографии. Вид оливковой рощи неподалеку от отеля – снимок, заслуживающий отдельной выставки.

А потом мы осмелели – и наняли лодку со старым Спиро, который повез нас вдоль острова в один день на север, а во второй день на юг.

Остров орал на нас цикадами, пах морем, подсовывал невероятных оттенков небо, а пейзажи, наблюдаемые с берега я не могу описать до сих пор, хотя вот уже несколько сотен раз их видела, вижу и очень хочу еще видеть, и сетчатка моя навеки покрыта отпечатками острова, и каждый раз, когда я закрываю глаза, я его вижу... И это – счастье.

Вам случалось любить? Не влюбляться, а именно любить – немедленно, сразу, бесповоротно, ударом, мгновенно, но понимая, что это – навсегда?

Тогда вы меня поймете.

А если не случалось, то я не сумею объяснить. Смогу только пожелать, чтобы вас так благословила жизнь.

Короче, еще два раза мы приезжали в отели – Империял и Ева Пэлас.¹...

¹ Хорошие отели, вполне рекомендую, но если вправду соберетесь на остров – напишите мне, я подскажу, как снять виллочку, где вы будете хозяином, и цикады будут петь для вас, и живность в саду всякая будет резвиться для вас, и вы будете ходить по маленьким семейным ресторанчикам, где сможете получить скидку, как мои друзья, ну и т. д. И на круг потратите за год столько, сколько за 2 недели в пятизвездочном отеле. Однако я оставляю за собой право, как пишут на дверях частных клубов, "отказать, не объясняя причин".

А потом бросили мы это отельное дело, потому что сразу из трех источников – с лодки, с лавки "с видом на Европу" на территории Империиала и с подачи одного приятеля, снявшего на три недели виллу в одной местности на Корфу и вот уже несколько лет мечтающего вернуться – определились с точностью до 2 км с местом, где хотим жить. Но это уже другая история. Частная.

Возвращаясь к промоутерам Корфу – именно тут, на острове, я открыла для себя книги Лоуренса Даррела – старшего брата Джеральда – который был настоящим писателем, в том смысле, что его профессия была «писатель», а не «зоолог», как у младшего брата.

Именно Лоуренс Даррел (Ларри, как звали его в семье) открыл этот остров для себя, для мира тех лет, для своей семьи, для своего брата Джерри, а тот передал полученное дальше по цепи – и уже мой брат, спустя несколько десятилетий, открыв для себя книгу про остров, рассказал мне самую главную сказку моей жизни. А я ее передаю дальше.

Prospero's Cell – книга Лоуренса Даррела, которую рекомендую всем, кто хочет почувствовать атмосферу острова, узнать о его истории и понять для себя, насколько возможно стать его обитателем (не юридически, конечно, про это там нету, а фактически, сердцем). Я не знаю, есть ли она на русском, но если нет – ради нее стоит выучить английский.

Обоим братьям Даррелл благодарные корфуанцы воздвигли изящные памятники в центральном парке возле Королевского дворца (ныне – музей Азии и прочих искусств, очень эклектично, но для Корфу это норма), переименовав в апреле 2008 года сам парк в их честь.

Это трогательно и это правильно. Братья Дарреллы сумели передать свою любовь дальше, как эстафетную палочку.

А Корфу принимает только любящих. Люди, не умеющие любить, не смогут долго быть на этом острове. Их отсюда унесет обязательно – туда, где можно просто брать, ничего не давая взамен.

Зазеркалье

*Нет у мира начала, конца ему нет,
Мы уйдём навсегда – ни имён, ни примет.
Этот мир был до нас и вовеки пребудет,
После нас простоят ещё тысячу лет*

Омар Хайям

Вязко утопая в сиропе сбывшихся желаний, приехавшие на остров рискуют навсегда остаться на нем. И не выбраться больше на Большую землю, потому что магнит, встроенный в остров, не отпустит. Посопротивлявшись какое-то время, подергавшись мухой в паутине, можно стать элементом пейзажа волшебной картины – как окаменевшие со-товарищи Одиссея на своем корабле, превратившемся в остров Понтиконисси... А чем плохо? Ну, в любом случае лучше, чем просто валяться остывающей грудой костей под криво установленным камнем с лживой надписью «незабвенному»... Хотя, тут, конечно, бывает по-разному...

Я даже не могу сказать, что это туристическая достопримечательность острова, но все же рекомендую посетить Британское кладбище. Оно расположено практически в центре Керкиры – центрального и единственного города острова. Англичане умеют сохранять спокойную приватность не только жизни, но и после-жизни, поэтому британские кладбища являют собой тщательно продуманное, но очень натурально исполненное сочетание ухоженности и естественности, одиночества и общности. Британское кладбище – это продолжение традиционного садика, предмета гордости, привязанности и заботы любого, даже очень холодного на вид англичанина.

На местном Британском кладбище хоронили не только собственно бриттов, но и немцев и даже итальянцев – то есть, всех неправославных христиан. Британцы, соблюдающие традиции в любой точке мира, побеспокоились о выделении отдельной территории под упокоевание подданных Ее Величества, а местные греки решили, что пусть уж и прочие протестанты и католики лежат где-то рядом.

Кладбища – необходимый и очень яркий элемент культуры и истории, поэтому я обязательно посещаю кладбища в ходе своих странствий по разным городам и весям.

Могилы Британского кладбища Корфу относятся к разным срокам, наиболее ранние появились тут в 18 веке (то есть, не так уж и давно, по сравнению со многими европейскими кладбищами), большая часть захоронений датирована 19 веком, основная часть относится к первой половине 20 века, и даже 21 век успел собрать свой урожай.

Влажный климат Корфу и относительно недавним памятникам придал заслуженный потертый готический вид – можно снимать римейк «Господина Оформителя»² на европейский лад.

Греческий сторож кладбища – суетливо-ленивый как все кладбищенские сторожа и радостно-шумный как все греки – хищно ждет зазевавшуюся жертву, чтобы уволочь ее вглубь парка с криками об уникальности той или иной совершенно обычной, если честно, могилы. И после 10-минутной пробежки ждет восторженных реплик в старом кондуите, который заботливо подсовывает для записи.

² Господин Оформитель – один из первых советских фильмов на мистическую тематику, дебютная работа режиссера Олега Тепцова. Снят в 1988 году по мотивам рассказа Александра Грина «Серый автомобиль».

Мне удалось уклониться от восторженного гостеприимства и побродить по парку-кладбищу самостоятельно, неспешно и спокойно.

Среди всего многообразия памятников меня тронули два.

Один – это даже не памятник, это мемориал времен Первой мировой войны – много могил молоденьких морских офицеров, погибших, видимо, при подрыве какого-то судна или даже нескольких кораблей. Надписи скупы, подвиг ребят неясен, но краткость их жизни сама по себе символична. В который раз заставляет адресовать богам вопрос о том, зачем им нужна такая массовая жертва? Что эта жертва должна сообщить выжившим? Почему надо было убить такое количество молодых, только начавших жить людей? Ради каких мнимых ценностей надо было забрать основную данную свыше ценность – жизнь? А может, есть что-то, что ценится на Небесах выше жизни – и им, погибшим, об этом уже стало известно, а нам еще нет? Может, их наградили, взяв наверх намного раньше положенного срока – а нас наказали, оставив жить в скорби? Слабое утешение для оставшихся скорбеть – во все времена.

Вторая могила – это история любви. Очень скромный трогательный памятник долго жившей женщине, родившейся в 1911 году и дотянувшей аж до 2002 года. Пережившей две мировых войны и много разного другого... Обычно на памятнике 91-летней женщине пишут что-то вроде: любимой маме и бабушке от детей, внуков и правнуков... Это – в лучшем случае. В качестве свидетельства хорошо и правильно прожитой жизни. А то и просто – даты, констатирующие факт «из праха вышли – в прах обратимся».

Но мало кому – даже из гораздо более молодых ушедших – пишут такие слова, какие написаны на этой могиле: «Спокойной ночи, моя любовь, я скоро»... Good night my love, I will be up later... Легкая формула для краткого расставания: она легла спать, а он припозднился – и просит ее не беспокоиться, не тревожиться, спать сладко, он скоро придет, они снова будут вместе. Потому что не могут друг без друга. После всей длинной-длинной-длинной жизни... И рыбка, выбитая на памятнике, значившая что-то важное и очень личное для них обоих...

«– Вы когда умрете? – Это никому не известно и никого не касается! – Ну да, неизвестно, тоже мне – бином Ньютона!..» (с)

Скажите, если вы умрете, что вам напишут оставшиеся после вас в качестве эпитафии? А когда вы умрете в 91 год, что вам напишут?

Мне завидно. Я завидую умершей в день моего рождения англичанке Хелен (и родилась-то она в самый значимый для меня день, вот такая интересная связь между нами), которая была одарена в жизни любовью, преодолевшей ее смерть.

И вы, наверняка, тоже завидуете. Если, конечно, уже понимаете, что смерть – это не самое страшное, что бывает в жизни.

Он похоронен с ней же, в той же могиле, надпись короткая: Together again...Его звали Клайв, он жил без нее еще долгих четыре года – и вернулся к ней, как и обещал. А еще он был моложе ее на 35 лет, хотя, когда так любишь, условности не имеют никакого значения...

Альтернативная стратегия

Чтобы всегда попадать в цель, стоит сначала выстрелить, а потом уже назвать целью то, во что попал.
Законы альтернативной стратегии.

Как вы думаете, а в чем разница между министром и менестрелем? Оба вещают о несуществующем, оба нуждаются зрителях и поклонниках, оба зависят от кошелька правителя, обоим частенько бьют и гонят, и мало кого помнят после смерти, а если и помнят, то ужасно искажают, цитируя. Вот и выходит, что нету разницы, ибо портфель – это не отличие, это атрибут. И менестрель с портфелем может считаться министром, а министр с шутовском колпаке и с дудочкой – менестрелем... Смежные профессии, похоже...

Корфу откликается интересными снами на ту реальность, из которой на него прибываете.

Снился мне очень интересный сон, который мог бы стать сюжетом неплохого блокбастера. Если коротко: на Земле победил технологический вариант развития цивилизации и, стремясь буквально все немедленно превратить в эффективность и результат, земляне отобрали у своих детей игрушки (зарыв их в глубокий бетонированный бункер), чтобы сразу, с раннего детства, не отвлекаясь, работать на создание полезно-ощутимых материальных ценностей на благо всех. Детки в связи с этим выросли жесткие, результативные и безжалостные – и довольно быстро уничтожили сначала своих родителей, потом себя – и, как следствие, – все живое на Земле. И вот много-много времени спустя на выжженную Землю прилетели инопланетяне, нашли бункер с уцелевшими игрушками и изумились мудрости цивилизации, которая, находясь на краю гибели, смогла спасти самое ценное, что у нее было – детские игрушки, как свидетельство развитой и очень доброй культуры.

С удивлением наблюдаю, как мой сон сбывается в реальности – в последние годы высокой технологической и политической турбулентности... Надеюсь, не придется все же паковать детские игрушки и искать бункер...

На Корфу, как мне кажется, не очень уютно будут чувствовать себя люди, для которых личный статус и власть имеют большое значение. Поэтому жить тут остаются те, кто внутри себя уже давно нашел ответ на вопрос «Земля! Земля! Кто я??». Те же, кто в порыве модного тренда накупил здесь недвижимости, но пока еще находится внутри иерархической суety суety, довольно быстро продают свое имущество. Нередко теряя при продаже, поскольку на Корфу волатильность низкая, кризис на стоимость недвижимости не повлиял. Несколько весьма известных в России влиятельных персон таким образом прожужжали над островом – и улетели в другие края. А вот не менее известные другие персоны – из театрального мира, из мира бизнеса, из научного сообщества – остались соседствовать с нами. И мы все на «ты» не от фамильярности, а от конечности нашего числа тут.

Корфу обнуляет иерархии. В этом его оздоравливающая роль, с одной стороны, но и разочаровывающая наиболее амбициозных граждан, с другой.

Наш дом тут находится в лучшем месте на острове. В лучшем не потому, что мы тут живем (хотя и поэтому тоже), но еще и в связи с тем, что он расположен у подножия центральной местной горы Пантократор (Вседержитель). Гора довольно отчетливо являет собой профиль Бога Отца – и вот как раз там, где начинается борода Вседержителя, стоит наш дом. Может, сны такие из-за расположения?

На вершине Пантократора есть монастырь. Вообще монастырей и церквей на острове очень много и они, в основном, православные. Гордые греки объясняют себе, что любят рус-

ских (и прощают им многое) не за нефтедоллары, а за общность религии. Православие – это очень важная часть культуры острова. Много раз отстаиваемая в кровавых битвах. Поэтому мечети на острове нет (по распоряжению властей), и кофе по-турецки (т. е. в турочке) тут называют кофе по-гречески, и если вы назовете его турецким, вам ответят, что у них такого нет.

Долгое время я считала, что греки обладают каким-то особым типом просветления – и потому здесь более тысячи монастырей на участке суши, который по периметру всего 200 километров. Тем более, что по преданию первыми из христианских миссионеров сюда пришли святые апостолы Иассон и Сосипатр – двое из числа семидесяти, посланных Господом на проповедь Евангелия. Согласно некоторым источникам они прибыли на Корфу в 37 году. Если это так, то из всех областей современной Греции Корфу принял христианство самым первым.

Правда, как обычно, оказалась прозаичней. Монастыри не платили налог многочисленным правителям острова (а Корфу был и под Византией, и под Венецией, и под Францией, и под Великобританией...). Сметливые крестьяне в каждом почти дворе возвели часовенку и назвали ее монастырем, сократив существенно налогооблагаемую площадь. Но с развитием менее романтической цивилизации эта история с сокращенным налогообложением была отменена – и монастыри стали приходить в упадок. В новейшее время у православной церкви Греции был особый статус, но предложение правительства отделить ее от государства вызвало бурные протесты в стране, где церковь играет большую роль в воспитании и жизни людей. В общем «все сложно».

Пока же имеем то, что наблюдаем: монастыри в изобилии, но работающих среди них не так много, как просто наличествующих.

Монастырь Пантократора – самый демократичный из всех на острове. Начнем с того, что в центр его вбита огромная радиомачта, придающая всему месту совершенно фантастический вид! На входе лежат разные тряпки для граждан, прибывших на машине или мотоцикле прямо с пляжа. Обычно люди тут ходят уже в чем-то покрывающем тело, так как наверху даже в жару прохладно. Довольно часто можно попасть в облако – и ходить в нем. Очень забавно быть персонажем мультфильма Ежик в тумане. Правда, скорость маневра надо снизить, ибо падать вниз, ошибившись в ощущении края, довольно далеко. Мы обычно, если попадаем на пути на Пантократор в облако, пережидаем в ближайшей деревеньке за чашечкой кофе, пока оно пройдет (оставив нас начисто выстиранными и готовыми к глажке горячим утюгом), а не рвемся в экстремальное восхождение. Но есть любители.

С вершины горы открываются чудесные виды во все стороны. И вообще в монастыре присутствует какая-то особая благодать, не истребленная даже торговцами на территории храма. Есть, конечно, как везде, сувенирная лавка, в которой можно купить за несколько евро много приятных штучек: карманные иконки, выточенные из оливкового дерева, всякие ошейники из него же, какие-то гипсовые поделки в псевдоантичном стиле (для туристов-новичков). А еще можно купить вкусный местный мед.

В центре монастыря есть маленькая церковь – Вседержителя, с красивым, потемневшим от времени Деисусным рядом и несколькими иконами Божьей Матери. Одна из них – в серебряном окладе – считается исцеляющей. Особенно, если оставить какую-то свою серебряную вещицу в дар. Иногда прихожане специально заказывают изображение в серебре болящего органа – руки, ноги, головы – чтобы Святая сразу поняла, куда именно направлять исцеляющее воздействие.

Вообще Святые – основные целители на острове. Несмотря на то, что врачи тут объективно хорошие (был повод убедиться), и открыт местный госпиталь, по оборудованию и комфорту опережающий московские больницы, аборигены предпочитают обращаться с просьбами об исцелении к Святым.

Главный Святой острова – Святитель Спиридон. В его честь названо 90 % мужчин острова. В любой компании греков обязательно есть несколько Спиросов. Спиридон – жил в

реальности и своей праведностью (которая была у него не с самого начала, а после смерти жены) заслужил Царствие Небесное. При этом, он жил не на острове, его мощи были привезены на ослух с турецких территорий. Так что, покровителем острова он стал уже после своей смерти, причем – спустя не один десяток лет. Зато именно с покровительством Святого Спиридона островитяне связывают волшебное исцеление от чумы. В то время, когда Европа вымирала целыми странами, на острове была локальная вспышка заболевания, унесшая жизни двадцати человек – и заступничество Святителя прекратило это средневековое безобразие.

Собор Святителя Спиридона – центральный на острове, находится в столице, в Керкире. И в городе запрещено строительство зданий, которые превзошли бы по высоте колокольню собора. Мощи Спиридона основную часть года лежат в серебряной раке, но несколько раз в год происходят торжества – с выносом раки в город. В остальное время доступ к мощам Святителя открыт утром – и поток желающих поведать о своих бедах и попросить содействия не заканчивается во все сезоны. Местные крестьяне очень верят в исцеляющие способности Спиридона, и в любой семье вам расскажут о безнадежном больном, сходявшем на молитву, поцеловавшем тапочки и напрочь исцелившемся. Лоуренс Даррелл (известный английский писатель, популяризатор острова) публиковал историю о том, как один крестьянин повздорил с братом, тот проломил ему голову топором – и вот с топором в башке крестьянин прошагал 10 км от своей деревни до церкви, помолился Святому Спиридону – ему там кто-то вынул топор из башки, крепко прикрутил полушария обратно, и крестьянин вполне себе бодро ушел восвояси. И жил еще долго, а может и счастливо, ибо лоботомия, как известно, навсегда избавляет чела от столь лишних для него раздумий о смысле жизни.

Религия – большая часть жизни острова. Тут можно встретить наивные и трогательные изображения Святых на придорожных камнях (видимо, путника посетило видение, которое он тут же запечатлел), маленькие кукольные часовенки у дорог отмечают места гибели автомобилистов и мотоциклистов (через каждые 10 метров, что неудивительно при сочетании горного серпантина, осыпающихся дорожных покрытий и привычки греков летать со скоростью 100+ в абсолютной темноте, да еще и сильно перед этим погуляв со-товарищи). Каждая деревенька имеет свою церковь, да еще и не одну. На новоселье принято дарить икону – и это очень ценный подарок включения в комьюнити (нам подарили икону Св. Спиридона, украшающую теперь наше жилье, мы отдарились яйцом Фаберже, расписанным на церковную тему, надеемся, что это было адекватно).

Все мужчины постоянно перебирают четки. Вариант психотерапии. Отлично помогает сдерживать характер и сохранять достоинство. Вот думаю – не заказать ли вагон четок в дар нашей Думе?... Боюсь, только, что не поможет... Вот ведь собиралась ни слова про российские реалии, а лезет из подсознания!

Ну, ладно, будем считать, что часть атмосферы удалось все же передать и тем украсить ваш день! Мы поедем в город пить кофе, смотреть на море и трюндеть ни о чем с греческими приятелями. Они сейчас on strike, а тут это считается праздником. Мы же сейчас в отпуске – надо отпраздновать совпадение.

Забастовка по-гречески

Вы никогда не сможете мне так мало платить, как мало я вам смогу работать.

Народная мудрость

– Мы приедем во вторник, а в субботу уже уедем – предупредили мы нашего греческого адвоката накануне визита в Грецию.

Нам надо было оформить кое-какие бумаги, а в Греции любое действие с официальным бумаготворчеством предполагает оплачиваемое участие адвоката. Вами оплачиваемое, естественно. И немало оплачиваемое.

– Да, отлично! – обрадовался адвокат, предвкушая возможность выставить почасовой ценник, а заодно и непременно получение «сувенира из России» – а.к.а. бутылку водки.

К слову сказать, радость – это нормальная реакция любого грека на общение с мирозданием. Утром кого-то встретил – рад. Днем встретил его же – снова рад. Вечером – тем более рад, еще и объятия не преминут, потому что в каждом греке к вечеру уже плещется пара стаканчиков вина, невзирая на возраст, пол, статус, диету, рекомендации врача... Кстати, рекомендации врача обычно сводятся к совету усердно молиться и немного выпить. И это часто помогает.

Так вот, адвокат выразил радость, мы тоже выразили радость, короче, все выразили радость – мы взяли необходимые документы, смутили российских пограничников полным отсутствием багажа, прошли в связи с этим тотальный обыск на наркотики и недозволенное количество валюты, подтвердили свою гражданскую невинность – и прибыли на свой Остров решать срочные вопросы.

От момента обмена радостью с адвокатом прошло не более недели.

Едем к нему в офис, чтобы далее вместе с ним идти подавать необходимые документы.

Офис прочно закрыт.

– Кофе пьет! – догадываемся мы – и идем искать его, благо тьма кофеен рядом и все на виду.

В кофейнях (утром в будний день, во вторник) полным-полно веселых греков, побрякивающих тяжелыми нагрудными золотыми цепями и возбужденно-неразборчиво орущих что-то, заглушая удивленных цикад, не привыкших к своей звуковой вторичности.

Наш адвокат сидит среди них и, увлеченно жестикулируя, рассказывает что-то разномастной группе улыбающихся приятелей.

Все еще хмурые после Москвы и уже слегка раздраженные нарушением заранее спланированного графика мы преодолеваем в себе естественное желание выхватить нашего веселого адвоката из толпы его почитателей и даже, возможно, дать ему пару раз по шее, ускоряя в сторону офиса. В общем, пока не успели адаптироваться. Но понимаем, что надо. Поэтому напяливаем на себя кривые неискренние улыбки и, тщательно подбирая слова, произносим фразы приветствия и удивления по поводу закрытого в разгар рабочего дня офиса.

– We are on strike!³ – подняв градус радости до нестерпимого сияния, объявил нам адвокат почти под аплодисменты посетителей всех окрестных кофеен.

– Да тттовую ж...rrrrрадость... и об забор!... – страшно улыбаясь по-русски, сказали мы.

«Страшно улыбаясь по-русски» – это не перепутанная запятая в предложении, это описание выражения лица, при котором собеседник, увидевший его, быстро вспоминает всю свою

³ Мы бастуем! – англ.

предыдущую жизнь, а так же место, где у него лежит завещание, и просит мысленно простить ему все грехи, ибо конец не только близок, но и неотвратим.

Так бы чувствовали все – кроме греков. Греки – ребята простые. В их сигнальной системе улыбка – это улыбка. И раз ты ему улыбнулся, то все хорошо. Вопрос исчерпан.

Поэтому наш адвокат и его приятели быстро нашли нам место рядом с собой и пододвинули стулья.

Через некоторое время, поняв, что никакой работы точно не будет – ни сегодня, ни завтра, ни вообще во время этого нашего приезда, специально и задолго спланированного ровно для того, чтобы решить важные вопросы – мы пили кофе в компании греков, сразу и с удовольствием принявших нас в свою компанию.

Греки обсуждали несправедливость бытия, нахальные требования немцев и Евросоюза вернуть, наконец, долги – или хотя бы накопившиеся проценты по взятым деньгам. Забастовка была связана то ли с тем, что правительство неаккуратно что-то пообещало в ЕС, то ли с тем, что оно уже какие-то социальные блага (коих в Греции было немало) урезало. Тут мы толком не поняли, потому что при попытке задать этот вопрос наши внезапно обретенные приятели начинали нам отвечать все одновременно, пытаясь перекричать друг друга.

В общем, это было что-то на вечную тему «как побудить рядового грека работать немного больше, чем он привык».

– Ребята, – сказали мы устало, – но ведь вы и на самом деле сидите тут, не работаете, а триндите с друзьями, попивая кофе. В будний день! Когда могли бы заработать те самые деньги, по поводу отсутствия которых тут хором скорбите!

– Вы поймите, – сказали нам греки – у нас просто философия другая: зачем нам нужна такая работа, если мы утром не можем спокойно выпить кофе с друзьями и потрындеть?!

Прошло более десяти лет нашей жизни на Острове...Документы мы в тот приезд не оформили, приезжали еще раз – заранее узнав график забастовок. Потом прониклись разными другими «греческими особенностями», научившись лавировать между «надо» и «да и фиг с ним!».

И, знаете, нам очень нравится эта греческая философия. Она – человеколюбивая. С приоритетом отношений над функцией. В Москве, конечно, нелегко жить, придерживаясь греческих установок.

Поэтому серую волчью шкуру «эффективного московского менеджера» мы аккуратно храним на гвоздике возле пограничного контроля в аэропорту – снимая ее при вылете и надевая назад при прилете.

Но если работа не позволяет вам утром спокойно выпить кофе с приятелями и поболтать о мироздании – зачем она вам? Ведь, повторяя популярный мем, еще никто перед смертью не вздохнул, огорченно: «Эх! Надо было больше времени проводить в офисе!»

Аврио как первичное яйцо мироздания

*Завтра – на следующий день после сегодняшнего.
Толковый словарь Ожегова*

‘Αυριω – вообще говоря, означает «завтра». Означало бы. В любой культуре, кроме нашей островной. А на Корфу смысл этого слова, по образному сравнению Джеральда Даррела, мог бы свести с ума Альберта Эйнштейна. Потому что ни в одном другом слове не заложено столько относительности.

Если вы находитесь в России, США, Великобритании, Норвегии, Новой Зеландии – да где угодно еще – обещание что-то сделать для вас «завтра» будет означать лишь тот факт, что вам можно на следующий день ожидать выполнения обещанного. Вероятность выполнения обещанного зависит от конкретной страны и от персоны обещавшего, но всегда выше нуля и связана с датой, к которой привязано ваше «завтра». Говорят, что в России обещанного три года ждут, но чаще все же завтра – это завтра. А завтра – это непосредственно следующий день по отношению к текущей дате.

На острове завтра – это не обозначение срока, это не дата, и даже не время. Это понятие, которое означает «не сейчас».

В отличие от «завтра» – у которого понятны границы, «не сейчас» имеет гораздо более широкий охват. Собственно, это весь диапазон – от «через минуту» до «никогда».

Островитяне сами смеются над своим «аврио» – и между соседями это слово вне шуточного контекста считается почти аналогом «пошелнафик». Поэтому, когда греки между собой договариваются о сроке выполнения какого-то обещания, они называют день недели. Если сегодня вторник (трети), а вам пообещали, что дело будет выполнено в среду (тетарти), то шансы получить желаемое у вас высоки. Но если во вторник вам сказали, что дело будет сделано «аврио», то шансы становятся неопределенными. Для островитян «аврио» – это квантовое понятие. То есть, срок этот может быть любым (как я писала выше: от «через минуту» до «никогда»), и суть его станет ясна только тогда, когда обещанное состоится. Или не состоится. Как с пресловутым котом Шредингера⁴ – и живым, и мертвым в любой момент времени, пока наблюдатель не заглянет в коробку с ним. Подобно переживающему за судьбу кота приятелю экспериментатора, вы можете каждую минуту, час, день, месяц или год напоминать пообещавшему про «аврио» – и получать клятвенное заверение, что как только оно, «аврио», наступит, так и ага. А «аврио» не наступит никогда, потому что в любой момент времени, когда вы о нем напоминаете, оно всегда в будущем и никогда в настоящем, что ясно любому дураку, кроме вас. Если вы устанете и перестанете напоминать, то для вас выполнение обещанного снова станет равновероятным по отношению к не выполнению. Если же будете продолжать клевать островитянина в мозг, то ничего не изменится, так как истинная вероятность выполнения зависит не от вас, а от пообещавшего все исполнить в загадочном «аврио». Короче, вы не можете повлиять на «аврио» так же, как наблюдатель не может повлиять на судьбу кота. Ни кот, ни его коробка, ни пропускная способность зеркала для фотона из этого эксперимента никак не зависят от наблюдателя. А потому и результат в каждый момент времени ДО факта наблюдения будет с равной вероятностью и положительным, и отрицательным.

В этом есть какая-то глубинная суть ментальности островитян, не поняв которую, на острове будет очень некомфортно выжить вне туристического контура. Тот же Евросоюз явным

⁴ Кот Шредингера – мысленный эксперимент, предложенный австрийским физиком-теоретиком, одним из создателей квантовой механики, Эрвином Шредингером, которым он хотел показать неполноту квантовой механики при переходе от субатомных систем к макроскопическим.

образом с упорством, достойным лучшего применения, расшибается о греческое «аврио», когда речь идет о возврате Грецией долга в общую копилку.

Неопределенности ситуации со сроками добавляет еще особенность внутреннего понимания календаря. Островитяне не живут в парадигме месяцев. Их внутренний календарь настроен на сезоны. И этих сезонов два: летний туристический и зимний «местный». В принципе, тут даже не особо часто говорят «лето» или «зима». Не говоря уж о весне или осени. Тут говорят «начало сезона» и «конец сезона». Можно задать вопрос: когда в этом году начнется сезон? Или: когда в прошлом году ты сезон закончил?

И ответ будет вполне привязан к календарю – типа, сезон был ранний, начался сразу на Пасху... Или – было холодно, сезон начался только в июне...

Но нет установленного где-то и как-то общего понимания о старте и финише сезона. Каждый островитянин это решает для себя сам. Поэтому нередко можно встретить удивленных европейских туристов, бродящих по пустынным пляжам в середине теплейшего октября, и пытающихся найти хоть одну работающую таверну в оживленных еще совсем недавно деревеньках. Тем более, что в прошлом году все в это время еще работало, хотя октябрь был холодней! Экономические или прецедентные аргументы вряд ли будут восприняты как таковые хозяевами, решившими, что за сезон заработали достаточно, чтобы нормально жить до следующего – а потому закрывшими свои мини-бизнесы прямо перед носом у толп денежных потенциальных клиентов.

У островитянина нет задачи заработать много денег. Есть мечта много денег получить – вырождающаяся, как правило, в два варианта желаний:

– найти богатого глупого русского, который за два миллиона евро купит халупу с участком, не стоящих и десятой части этой цены;

– выиграть два миллиона евро в национальной лоторее – а потому греки регулярно покупают билеты и особой популярностью пользуются долгие беседы за чашкой кофе, что вот Кристаки выиграл, но глупо распорядился деньгами, а надо было их потратить вот так и вот так. При этом сам критик неразумного Кристаки не факт, что купил лоторейный билет... да и Кристаки, возможно, никакого не было.

А к заработкам островитяне относятся философски. И, в любом случае, не будут перерабатывать сверх внутреннего ощущения сезона. Тем более, что всегда можно помечтать о том, как разбогатеть за счет внезапной удачи, которая непременно свалится «аврио».

Аполлон или Чисто корфуанская история

Лопни, но держи фасон!
Песня Леонида Утесова

Корфу славен не только своим климатом, пейзажами и историей, но и, в первую очередь, людьми. Островитяне незлобивы и приветливы, работающие и по-крестьянски хитрые, но что действительно отличает корфутов от других обитателей Греции – это безусловный актерский дар и склонность проявлять свою театральность по любому поводу и без повода. Почти любая коммуникация с корфутом – это небольшой спектакль, где режиссером выступает сам Остров.

Поехали мы в Кассиопи как-то с подругой. Кассиопи – это наша местная luxury village. Небольшой живописный городок на северо-восточном побережье с подковообразной гаванью, бутиками и ресторанами. Тут живут, в основном, англичане – включая родственников принца Филиппа (мужа нынешней королевы Великобритании).

Для тех, кто бывал в Италии, бухта, яхты, ресторанчики и магазины Кассиопи напомнят ПортоФино. Модное место, короче!

Мы погуляли по городку, искупались в море, вкусно пообедали в таверне, возвращаемся к машине – и видим, что нас запер большой сверкающий бензовоз от компании Shell.

За рулем сидит такой гордый молодой эллин – красавец в темных очках и с белозубой улыбкой. Сияет. Все девчонки вокруг его, по определению!

Мы сели в машину, завели и показываем, что нам пора ехать – ждем, что бензовоз сдаст назад и выпустит нас.

Грек светит мордой и не двигается с места.

Мы ему машем, мол, сдай назад, милый!

Милый сияет так, что затмевает заходящее солнце, но с места не двигается.

Однако слегка помавает руками над рулем, за который импозантно держится, оставив мизинцы. Совершает какие-то пассы, имитируя управление, но машину не заводит и нас не выпускает.

Я уже вспоминаю пару крайне доходчивых фраз на местном диалекте, способных потушить любое солнце – и делаю резкое движение из машины...

Тут к бензовозу подходит взразвалку грек уже немало побитый годами и жизнью, наш аполлон вылезает из кабины, уступая место старшбому, и тот сдает назад.

И мы, наконец, понимаем всю мизансцену: полубог водить не умеет!

Его просто пустили посидеть, подержаться за руль модной крутой машины и попозировать девушкам, пока старшбй закусывал. Дядька, наверное – племянника балует.

Выехали, весело смеясь. Аполлон светиться не перестал даже будучи выгруженным с престижного водительского места – возможно, просто не умел не улыбаться.

Корфуанская кадрили

Нежная ароматная фиалка...На залитом солнцем поле...

Ах, мне это признание в любви очень понравилось!

к/ф Здравствуйте, я ваша тетя!

Греция вообще и Корфу, в частности – благословенная территории, где ни одна женщина не уйдет обиженной мужским невниманием. Если она не крокодил.

Правда, в отличие от горячих турок, греки неназойливы. Одиноким немолодым провинциальных дам это порой расстраивает – особенно, если они не в курсе правильного алгоритма действий по заманиванию эллина в свои иссохшие сети.

Итак, для начала греку надо показать дичь. А именно, ему нужно увидеть одинокую девушку (любого возраста) на пляже. А лучше двух одиноких девушек. Совсем грустных и совсем одиноких. Тут важно девушкам не спалиться сразу и вести себя прилично – не оголяться, не хохотать как гиены, не пить с вызовом крепкие алкогольные напитки прямо с утра и в одно лицо, не поднимать тучи брызг в море, не носиться по всему пляжу, высоко вскидывая колени, не складывать все камни пляжа на свое необъятное тело – короче, не показывать навыки морпеха на учениях, а лишь слегка постреливать глазами. Это будет нелегко для многих нежных русалок – так себя сдерживать, но надо, девушки, надо. Греки на этой стадии услужливы, но индифферентны.

Так проходит первый день.

День второй. Те же там же. Греки начинают восхищенно смотреть. В упор. Не отводя взгляда и занимая места получше в партере. Сквозь темные очки. Девушки не то, чтобы нервничают, но принимают особо изящные позы и разговаривают каким-то высоким тембром голоса и им же смеются, чего в жизни обычно не делают. Еще любят встряхивать волосами. Те, у кого есть чем встряхивать, конечно. К концу дня греки к взгляду в упор присоединяют лучезарные улыбки. При уходе с пляжа (порознь) стороны раскланиваются. И этого вполне достаточно для зачета второго дня кадрили.

День третий. Те же там же. Раскланиваются с самого утра. Тембр голоса и смеха заждавшихся более активных действий русалок начинает глушить рыбу и пускать ко дну рыбацкие лодки, которые слишком близко подплывали к берегу. Греки быстро делятся на две неравные категории. Первая категория в состоянии на английском изобразить слова «Пачему такой красивый и такой адынокый?» – и завязывает беседу, узнавая имена и вываливая тут же массу ненужных подробностей обо всех родственниках, требуя подробной биографии и от русалок.

Вторая категория может говорить только на родном эллинском, поэтому просто приносит угощение (инжир, конфетку, бутылочку пива) и сияет улыбкой, заменяющей проблемы в образовании. И тут – внимание!!! – принятие дара девушкой ничего не означает. И это хорошо понимают все стороны. А вот ответный дар независимой красавицы для грека означает немедленный сигнал к сближению. На этом, кстати, западные дамы, приехавшие не за приключениями, а, как ни странно, действительно просто позагорать и поплавать, порой прокалываются. Они хотят независимость обозначить, отдавшись продуктом питания, а обретают ухаживание такой силы, что вспоминают предания о гетерах и спасаются бегством в горы. Где и сидят в схроне до конца отпуска.

Соответственно, третий день заканчивается либо совместным покиданием пляжа русалкой с греком, ибо стороны обменялись дарами. Либо бегством красавиц от обиженных греков, выполнивших все особенности ритуала и даже получивших дары, но не получивших продолжения.

Если курортный сезон заканчивается и рассчитывать на дни не приходится, то все стадии ритуала с нескольких дней ужимаются в несколько часов.

Что характерно: все это происходит беззлобно, совершенно не нагло и не агрессивно (в отличие от горячих кавказских джигитов российского разлива), и, в целом, забавно. Особенно при попытках ухаживающего грека поведать обо всех своих многочисленных родственниках (обязательная часть ритуала) очень ограниченным количеством английских слов.

Забавно так же, как испепеляют взглядами друг друга соперники, знающие и не знающие текст на английском: что-то очень экспрессивное с грозным выражением лица и бешеной жестикуляцией вываливается в эфир на эллинском. Потом сторона, аргументы которой были признаны неубедительными, с напускным равнодушием перемещается на пять метров в сторону от поля основной кадрили.

У кадрящихся греков обязательно есть болельщики в лице владельцев пляжных кафешек, пунктов проката и пр. Они подбадривают выдохшихся борцов, утешают покидающих поле битвы ни с чем и грузят русалок дополнительными (ранее упущенными) подробностями из жизни родственников ухажеров, щедро добавляя деталей о собственной семье.

Избежать такого внимания одинокой путнице на греческом пляже невозможно. Если там есть хоть один грек или место, где этот грек может появиться (ибо он возникнет из ниоткуда), исполнение им танца кадрили неотвратимо как смерть и налоги. Поэтому стоит воспринимать весь этот треск как дополнение к цикадам. Главное, помнить, что не нужно угощать щедрого ухажера в ответ, если не хочется перехода приключения в острую фазу.

Поэтому, когда несколько лет назад в сети разошелся пост какой-то гражданки, сетовавшей на полное игнорирование ее со стороны нелюбезных и невнимательных греков, вердикт опытного сообщества путешественниц был однозначным:

– Крокодил!

Дожди на Корфу

Однажды начался дождь и не прекращался четыре месяца. За это время мы узнали все виды дождя: прямой дождь, косой дождь, горизонтальный дождь, и даже дождь, который идёт снизу вверх.

Форрест Гамп

Корфу – самый «мокрый» остров в Греции. Тут много источников пресной воды, а потому коммунальный платеж за воду в месяц составляет всего лишь 10–20 евро. Греки расходуют пресную воду настолько щедро, что у любого европейца внутри формируется гринписовский протест! Но пока государство не взялось регулировать это транжирство ценой, приходится наблюдать множество текущих кранов, которые греки просто не удосужились плотно закрыть после использования.

Вода часто бесплатно достается Острову и с небес. За бороду Вседержителя (Пантократора) регулярно цепляются все тучи, мирно идущие по своим делам от каблука Италии куда-то на материк...

Поэтому дождей на Корфу больше, чем где-либо в Греции.

А в нашей деревне Барбати дождей больше, чем где-либо на Корфу, потому что, как я уже писала, наш домик расположен ровно под бородой Пантократора.

Обилие дождей озеленило остров так, что на нем не осталось фактически ни одной залысины, которыми столь богат, например, Крит. Оливковые рощи, миртовые заросли, апельсиновые деревья, виноградники, кипарисы, каменные дубы, кусты бугинвиллеи и прочая характерная для этих широт растительность буйно «прет» из каждого квадратного сантиметра острова! Порой просто диву даешься – КАК из этой твердой на вид и наощупь каменюки вдруг может вырасти столько разных ярко зеленых кустов, усыпанных цветами и увешанных плодами??

Однако этому всему хорошо радоваться в период с марта по октябрь – когда зелени много, а дождей не очень. А вот с ноября по март дожди, честно говоря, утомляют. Потому что дождь на Корфу – это ушат громяющей воды с неба, из воздуха, из земли, со всех сторон, с ветром, с молниями, бьющими в землю и во что придется, с потоками, несущимися отовсюду и все смывающими на своем пути...

Зонтик на Корфу столь же бессмысленное приспособление как и, скажем, резиновые сапоги. Все эти предметы для укрытия от дождя хороши в старой доброй Англии – с ее цивилизованными, порядочными неспешными дождиками... Идущими в строго определенном порядке в отведенные часы. На Корфу польза от резиновых сапог будет только в том случае, если вам почему-то нравится свои лужи носить с собой – тогда остров щедро нальет вам полные сапоги отличной воды с песком и мелкими камушками, а дальше сами уже несите этот подарок куда хотите!

Корфуанские дожди – это стихия, которая радуется вам только одним: тем, что Корфу – остров, и излишек воды рано или поздно сольется в море. Поэтому если на Корфу вы попали под дождь, спокойно плывите в нем туда, куда изначально направлялись (если, конечно, разберете очертания пункта назначения) и не заморачивайтесь попытками сохранить сухими те три волосины на макушке, которые защитит хлипкий зонтик или (смеюсь-смеюсь) разорванный полиэтиленовый пакетик, надетый на голову. Наблюдала порой туристов (немцев, преимущественно), которые почему-то именно лысины свои желали оставить сухими, поэтому напяливали на головы полиэтиленовые пакеты и плыли вместе с другими обломками цивилизации в бурных потоках по улице, продолжая удерживать пластик на давно вымокших головах.

Немцы, кстати, вообще забавно различимы на острове. Если вы видите велосипедиста в полной сбруе со шлемом, пыхтящим в гору в сорокаградусный июльский полдень, когда все аборигены спят за закрытыми ставнями, а туристы сидят по шейку во вскипевшем море – будьте уверены, это немец. Если вам встретились люди, пьющие жестяное безликое пиво из банок и закусывающие его картонной сосиской из супермаркета (в краю, полном вкуснейшей свежей еды и вина) – это тоже немцы. И именно немцы занимаются самым бессмысленным на свете делом – попыткой заставить греков вернуть долг Евросоюзу. Когда видишь рядом немцев и греков, то точно понимаешь, что Бог создавал одни народы для работы, а другие – для любви. Вот вам – в каком народе довелось родиться?

Возвращаясь к дождям – непогоду на Корфу надо просто перетерпеть, подшкурно ощущая смысл поговорки «ждать у моря погоду». Причем зимой это пережидание может быть сутки, двое, трое... – и так до весны. Однако каменистый грунт и общая чистота острова создают неповторимое ощущение свежести! Недоступное, к сожалению, в нынешней Москве, в которой даже малейшие осадки немедленно приводят к затапливанию улиц грязью и гибели любой обуви. Ну, может, кроме специально сшитых фабрикой Скороход из неубиенной кирзы сапог, оставшихся в стратегических запасах еще со Второй мировой...

Корфу одаривает вас и вашу одежду/обувь чистотой. Не нужна химчистка, ибо нет грязи. С гор несется чистейшая вода с песком, которая просто отмывает вас, вашу машину, вашу обувь, вашу собаку, а также улицы, дороги, до блеска, до сияния при свете обязательно возвращающегося солнца.

Еще одно существенное отличие от других мест на планете – в любой сезон дождей солнце на Корфу обязательно возвращается. Хоть на денек – до следующего водного шквала. Тут не бывает столь знакомых по межсезонью в Москве длинных серых ватных суток – то ли пасмурного дня, то ли уже сумрака того света, когда не хочется ни спать, ни вставать, ни ходить, ни лежать, а только выть, выть и выть тоскливо, молча или в голос, это уже по обстоятельствам и воспитанию.

Корфу оставит вам надежду даже в самый мокрый сезон. А еще тут очень легко дышится – воздух чистый, как и совесть, потому что на острове нелегко нагрешить. Его соблазны столь невинны, что даже поддавшись искушению, вы останетесь наивным и светлым ребенком. Даже если в Москве вы были обычным мрачным троллем, помогающим вам выжить в огромном мегаполисе. Корфу смое с вас все наносное и случайное. В крайнем случае – просто утопит, если сочтет, что вы уже неисправимы.

А после дождя тут включают радугу...

Бежево-розовый город моих снов

Город Керкира был основан в VIII в. до н. э. греческими колонистами из Коринфа.

Историческая справка.

Этот город снился мне так долго, что я его не сразу узнала наяву. Потому что наяву он был в другом ракурсе.

В моих снах много-много лет он мне являлся кривизной своих улочек, выложенных истертыми веками белыми плитами. Изгибом набережной, куда он выступает своим пузиком, нависая слегка над морем – а потому его можно видеть в странной искривленной перспективе, которая придает ему больший размер, чем тот, которым он обладает. Наверное, замысел был именно такой – и он вполне удался.

Облетевшие двух-трехэтажные особнячки различных палевых оттенков с ржавыми и небрежно окрашенными решетками маленьких балкончиков смотрели сквозь прикрытые потертые ставни со всех сторон. Дома эти кружевные и изысканные, но потертые, как нечистые манжеты подгулявшего разорившегося дворянина, у которого всего и богатства осталось, что его бархатный камзол, который он сам же неумело латает и чистит по ночам, чтобы скрыть свое обнищание –

Вся архитектура города – с колокольнями и единой доминантой большого собора, выше которого не было ни одной крыши – так знакома и интуитивно понятна, что во сне я никогда не могла заблудиться в этом городе. Гуляла по улочкам, заглядывала в окошки, где мне улыбались сидевшие внутри люди, занятые своими делами и приветственно махали рукой – заходи, мол, пообедай с нами и расскажи нам о себе и других местах Земли! Ведь мы нигде не бывали, потому что заперты в Раю навеки любовью к нам того, кто нас создал...

Глазела на витрины магазинов, в которых были выставлены странные вещи – какие-то гвоздики с пружинками и тряпочки... а потом вдруг из этого складывалась кукла-марионетка – и она прижимала свое грустное личико к стеклу, глядя на меня, как-будто просила забрать ее с собой.

Видела я свой сон чаще всего с какой-то горы. Как-будто я долго-долго шла, устала, забралась на очень высокую точку – и внизу лег город, который и был целью моего путешествия.

Почему-то город всегда был бежево-розовый – хотя дома в нем разного цвета. Да, много было бежевых и розовых, но и салатных, и голубых, и желтых, и белых тоже немало! Но то ли солнце так окрашивало все здания – в один цвет, то ли море своими солеными брызгами высушивало любые цвета в общий линияло-теплый тон – нежный оотенок сохранялся в каждом моем сне. Море! Как же я забыла сказать с самого начала, что мой сказочный город стоял у моря! Впрочем, вы и так это поняли, наверняка – потому что такие города всегда стоят у моря! Вернее, они находятся в таком месте, где с одной стороны горы, с другой море, а между ними – город моих снов.

Весь город был именно таким, каким и должен быть город для жизни, а не для муки нескончаемой суеты и отчужденности, столь характерной для современных мегаполисов.

Он был манящим и вязким – не отпускал, звал, обволакивал, шуршал прибором, баюкал, обещал покой – и даже пугал немного этим... А потому я каждый раз просыпалась с бьющимся в горле сердцем ровно тогда, когда внутри возникало ощущение, что вот и все: я пришла туда, куда всегда хотела прийти.

Потом мы впервые съездили на остров Корфу – и гуляли по Керкире, столице, но, как я написала выше, я не узнала этот город. Нет, он мне очень понравился, но вот того влекущего и манящего ощущения из сна не возникло. Туристы, продавцы сувениров, машины, движение

– все это отвлекало, не давало сосредоточиться. Взгляд не охватывал город целиком, урывал только какие-то объекты, которые были прямо перед глазами. Мы посетили разные туристические места, залезли на обе венецианские крепости, постоянно фотографировали – и, уставшие, вернулись в отель. С облегчением, что минимальная экскурсионная программа выполнена, а теперь можно просто валяться на пляже и купаться, не испытывая вины за состояние lazy banana.

В Москве мы посмотрели фотографии (тогда это еще был вариант «мыльниц», пленки, проявки, печати, вот этого вот всего) – и на одной из фотографий, которую сделала моя дочь, я узнала свой город. Мне стало холодно от узнавания – потому что возникло ощущение упущенного счастья. Мы были там! Мы были посреди моего лучшего сна! И я не узнала его...

Дочка распечатала мне эту фотографию на холсте. Получилась чудесная картина. Я повесила ее у себя в московской спальне – и каждый вечер смотрела на нее, засыпая... Но город больше не снился. Сначала я подумала, что он обиделся – как любой бы на его месте. А потом поняла – нет! Он просто решил, что сделал для меня все, что мог: он позвал мне себя наяву. А что уж я буду делать дальше, от него не зависит.

И тогда я поставила маленькую точку карандашом на одном из домов этого города – на фотографии, распечатанной на холсте – и сказала (сначала только себе): «Я буду там жить».

Не «хочу», а «буду».

А потом уже произошло все остальное. В следующую поездку мы стали присматриваться к недвижимости (но не в городе). Потом долго и непросто приобретали... Потом стали бывать все чаще... А потом город подарил нам себя – впустив в тот самый дом, на котором стоит карандашная точка на картине в моей московской спальне. И этот дом стал нашим. И город стал нашим.

И в этой истории нет ни одного слова вымысла – потому что в городе моих снов все наяву: и люди, зовущие к себе, но остающиеся пожизненно там, где родились, привязанные к этому месту непреодолимой любовью, и грустная марионетка, просящая взять ее с собой, и потертые манжеты разорившегося дворянина, украшающие линиялые бархатные камзолы особнячков... все, все, все это есть на самом деле! Нужно просто приехать – и увидеть.

Утренние встречи

Собака – друг человека.

Аксиома

Утром я бегаю в горную деревню Спартилу. Там есть у меня знакомая собака Соня – большая черная овчарка. А сейчас у нее есть такой же, но рыжий сын, Бруно. Соня считает, что я тоже ее хозяйка. Ну а сын легко взял меня в хозяйки, раз "мама велела".

Далее между нами происходят такие диалоги:

Я:

– Соня, привет! Как твои дела?

Соня:

– ААААА!!! Уррааааа!!! Это ты, моя любимая!?!?!Ой щас тебе сына покажу! Он дурак невоспитанный, но добрый мальчик! Его зовут Бруно!

Я:

– какой красавец! Фу, отстань, фу! Я не люблю сразу целоваться, мы мало знакомы! Ну хорошо, хорошо, хорошо...

Соня:

– Я говорила!

Сыну: – рrrrrr! Веди себя прилично!

Мне:

– мы тебя проводим!

Я:

– я далеко бегу, не надо!

Соня:

– да фигня все! Мы тут пописаем на все и не заблудимся!

Я:

– ну разве что так...

Бежим из Спартилы назад в Барбати (6 км по горам), собаки рядом, большие, черная и рыжая, и я – как охотница Диана. Болтаем, ловим кого-то, нюхаем все, некоторые из нас действительно писают на все оливы. Добегаем до Барбати...

Я:

– Ребята, возвращайтесь! Тут свои собаки... Загрызут!

Собаки:

– кого?!?! Нас?!?! Да ты не бойся, еслнчо мы их так разъясим, что ваще!!

Барбатские собаки начинают хором грозно лаять.

Соня:

– ну-ка, ну-ка, кто это там такой смелый?? Ты, штоль?

Барбатские собаки нестройным хором:
– не, ну что за наглость?? Ты откуда вообще?

Соня (гордо):
– Я? Я вот с ней!! А вы кто??

Барбатские собаки разрозненным лаем:
– а мы...а у нас тут тоже...вообщем...ну это...

Соня:
– То-то же!!
Мне:
– ты их не бойся, они все – дуры!
Я:
– Соня, я иду в море купаться, возвращайся!
Соня:
– ура!ура! Мы идем в море купаться!

Далее сбегает на пляж, я быстро раздеваюсь, окунаюсь в холодную воду с головой, собаки шумно плещутся рядом, ждут, пока я вытрусь, и только потом отряхиваются. Заодно ставя на меня мокрые песчаные лапы и целуясь, пока я спешно натягиваю мокрую одежду.

Наверху у дома зову мужа, прошу его постучать палкой по дороге, чтобы собаки ушли к себе в деревню.

Муж делает грозное лицо и стучит.

Соня с Бруно:
– ой-е-ей!! Ты чего??!! Мы же с ней!!

И прячутся оба за мою спину.
Я чувствую себя одновременно похитительницей и усыновительницей собак...
Иду домой за сыром. Выношу.

Соня:
– да ладно!! Я тебя просто так люблю!
Сонин сын, Бруно:
– аааа что это у тебя там такое?... Сыыыыр? А еще можно?...

Я:
– Сонька, ты тоже ешь, пожалуйста!

Соня:
– я не ради сыра, и все лучшее – детям, но если ты настаиваешь...

Я:
– ребята, я волнуюсь, вам и правда пора домой! Это же тьма километров вверх! Пошли провожу до конца деревни!

Мы уходим...
Утро, меж тем, еще только начиналось...
А как прошло ваше утро, ребята?

Собаки

Свобода определяется длиной цепи.
Семен Альтов

Как тать в ночи крадусь я во время своих пробежек мимо знакомых крестьянских дворов, дабы не сманивать с собой их собак. Есть у меня особенность с детства – любая собака, независимо от породы и «национальности», делегирует мне роль своей хозяйки примерно с третьей секунды встречи. К частой обиде ее хозяев.

Вот и крадусь я во время своих пробежек мимо крестьянских дворов, чтобы собаки не успели меня услышать и выскочить знакомиться или обниматься, если мы уже знакомы.

Не помогает.

Пару дней назад бегала в соседнюю горную деревню Спартилу, где есть два центнеровых лося по имени Соня и Бруно, непременно срывающихся бегать со мной вместе. Пару раз нам даже приходилось потом заблудившихся собак на машине доставлять назад.

Именно поэтому я в последние пару лет либо бегала другими дорожками, либо проползала мимо знакомого двора почти на четвереньках, строго держась против ветра...

А тут что-то расслабилась – ну два года прошло все же с момента последних объятий... Но на мою беду в соседнем дворе тоже завели собаку. С ней мы знакомы не были, и она начала тявкать, а я с ней разговаривать...

– Ааааа!!! Вот! Вот она!!! Бруно! Беги сюда скорей!!! Это она!!! – заорала во всю свою полуметровую пасть Соня, несясь ко мне прыжками в несколько метров каждый...

– Где??? Стой!!! Подожди меня!!! Я бегууу! – орал Бруно, обрушиваясь на меня прямо вместе со своей будкой, которая запуталась в решетке и осталась во дворе.

А собаки, конечно, не остались. Когда тебе шумно рады два пса, каждый ростом и весом с теленка, во всей деревне не остается тайн. Та собака, что меня спалила, робко возразила, что она меня увидела первая, и у нее есть право обниматься вне очереди...

– Чевооо??? – грозно зарычали на нее Соня и Бруно – да тебя еще и в проекте не было, когда мы с ней уже в море купались!!

– но я тоже хочу с вами бежать в море купаться – тьякнул глупый, но упорный зверь...

Короче, эти два оглоеда загнали ее на дерево. Вы видели, как собаки лезут по деревьям? Я вот уже да!

Ну а потом в ночи, привычно распугивая нимф и дриад, мы неслись по горам из Спартилы в Барбати, и я была рада концу сезона и пустынным пейзажам, ибо иначе на деревьях сидели бы не только дриады, но и все встречные прохожие, а также мопеды и машины.

Одной встреченной машине Бруно все же попытался откусить колеса, но та, прихрамывая, удрала на максимальной скорости, и Бруно ее просто не догнал. Ну или решил не связываться.

В Барбати все другие собаки сидели очень тихо, поэтому мой собачий спецназ беспрепятственно проводил меня до дома, где был накормлен, напоен и выпровожден...

Однако, видимо, домой псы вернулись не сразу. И их отсутствие было обнаружено...

Сегодня, когда я на мягких цырлах, дыша вовнутрь, а не наружу, крадусь мимо знакомого двора, то вдруг почувствовала сверлящий взгляд в затылок. Обернувшись, увидела хозяев Сони и Бруно, следовавших за мной на машине и крайне подозрительно следящих за моими перемещениями. Машина заехала во двор, во дворе было тихо. Псы, видимо, сидели на цепи –

наказанные... Или хозяева их вовсе отправили на дальний кордон (в другой дом), пока я тут. Так как иначе, чем толстой цепью, пса не удержишь, если я следую мимо...

Такая судьба.

И снова собаки

*Когда утро уже давно закончилось,
А обед еще и не думал начинаться...
А. Милн. Винни Пух и все-все-все*

Понимаю, что надоела уже своими рассказами про собак Острова, которые с упорством, достойным лучшего применения, сбегают со мной от своих хозяев, но что делать, когда это правда?

Вот и сегодня прибежала в горах к любимой часовенке Божьей Матери в Спартиле. А там живут, как вы уже знаете, две самых преданных мне собаки – Соня и Бруно... И хотя я кралась буквально на когтях, и даже дышала через раз, но как только положила цветочки к иконе, так тут же услышала радостный соп и бешеный цокот – унюхали...

Молча, без лая (чтобы хозяин не засек и не вернул в будку) два оглоеда по центнеру каждый взяли меня в плотное кольцо любви... Главное, я специально перед этим съела апельсин, подняв его с дороги (извозившись от макушки до пяток, ибо попробуйте на бегу на сорокаградусном подъеме очистить и съесть апельсин...), думая, что якобы ненавистный зверью запах цитруса спасет меня от ласк... Не помогло! Меня просто более тщательно, чем обычно, облизали!

Ну и дальше было все, как всегда – мы неслись через оливковые рощи к морю, а птицы, звери (и рождественники) – должны были смирно сидеть на деревьях... Туда же мы пытались загнать и с пяток встреченных машин (в одной за рулем был священник, которому удалось нас быстро благословить – и тут же захлопнуть окошко, куда уже лез разбираться Бруно), но они слиняли.

На пляже мы было застали семью мирных албанцев – папа хотел поймать рыбку, а жена и двое малолетних наблюдали.

– Кала Христуина!! – гаркнули мы в три зубастых пасти (С Рождеством! – греч.)

– Тут нам и трындец, – подумали мусульмане-албанцы – и в один морг глаза куда-то делись...

Куда и как – не понимаю... Там подъем вверх с пляжа почти вертикальный, но факт остаётся фактом – когда я через минуту обернулась, их не было, и даже следов не было!

Потом мы плескались в холодном море – пока мне не свело ноги от ледяной воды. Потом поднялись к нашему дому (наши три пса даже не вышли, типа – ааа, это опять она и ее краденые собаки, ну и ладно)...

Соня и Бруно получили по два куска колбасы и миску молока – и убыли восвояси...

А мы пошли жарить барана, ибо – Рождество...

Трудности перевода

*Налог – обязательный, индивидуально безвозмездный платёж,
взимаемый с организаций и физических лиц.
Налоговый Кодекс*

У нас в кондоминиуме постоянно живет две семьи: мы и англичане.

А застройщик всего хозяйства – грек по имени Сотирис. Сотирис – классический грек-корфуот, со всеми вытекающими последствиями, включая местное деревенское искреннее представление о прекрасном.

В каждый новый приезд мы обнаруживаем какое-то «усовершенствование». То это металлическая оградка дикой расцветки, то присобаченная сбоку пластиковая хрень с функцией защиты от солнца, которая ей явно не по силам... То живой петух "для красоты", горла-нящий с двух утра, то новый выводок блохастых кошек, общее число которых скоро превзойдет количество элементарных частиц...

Англичане готовы были терпеть многие местные особенности, но сегодня они вызвали нас в бар на жалобную беседу, ибо накопело.

В частности, они поведали нам историю, что не могут уже года три получить с Сотириса назад деньги, которые считают одолженными ему.

История – проекция отношений Греции с Евросоюзом и столь же понятна любому русскому, сколь непонятна любому англичанину или немцу.

Соседи купили у Сотириса дополнительные апартаменты в плюс к тем, коими уже владели. Сотирис со сделки должен был заплатить налог, чтобы сделка была признана состоявшейся. До того сделка в глазах греческого законодательства как бы все еще в статусе "on the way". Стороны договорились о намерениях – и приступили. Но не завершили.

Сотирис перед получением от англичан денег клялся мамой, что все ок. Греки вообще очень любят разные красочные клятвы. И англичане – разумеется – выдали ему всю оговоренную сумму за недвижимость, полагая, что обе стороны исполняют свои обязательства.

Стороны подписали соглашение. Сотирис вручил англичанам ключи и уехал праздновать. Года на два полученных денег должно было хватить...

Англичане эти два года не сомневались в своих правах, пока их адвокат случайно не выяснил, что налоги не уплачены, а, следовательно, апартаменты (в которых соседи уже исполнили щедрый ремонт) все еще не их...

Соседи отловили Сотириса и задали вопрос о налогах. Вопрос Сотирису был неприятен, а потому непонятен. Сотирис развел бровями, тем более, что за два года утекло много воды и вина, и денег жадному греческому государству от простого деревенского застройщика просто не осталось. Ни лишних, ни вообще.

Англичане, желая ощутить приобретенное не только в руках, но и в бумагах, заплатили налог сами. Это немало (14–16 % от стоимости). И стали законными хозяевами.

И ожидают возврата долга от Сотириса. Сотирис же вообще не понимает, причем тут он, если англичане сами доброй волей проспонсировали Грецию.

Вот скажите мне честно – есть ли хоть один русский, который не понимает, почему Сотирис не считает, что он что-то должен англичанам?

Мы "на раз" объяснили англичанам, почему грек не считает себя должным. Ведь они деньги дали не ему, а государству! Следовательно, грек теперь ничего никому не должен! Ему хорошо. И искренне не понятно, почему англичанам плохо?

Та же история у греков с Евросоюзом. Ибо греки (как и русские) хорошо знают, что деньги в долг берешь чужие и на время, а отдаешь уже свои и навсегда... Поэтому если дал – не сетуй, что не вернули. А если взял, потому что давали, ибо у дающего их много – то зачем возвращать??

PS

Мы англичанам посоветовали взять с Сотириса долг услугами, ибо деньгами – безнадежно. Но ребята на него всерьез обиделись, а потому ему не доверяют. Думаю, теперь – раз уж англичане раскололись – мы заставим Сотириса служить бесплатно нам. В счет английского долга. Не пропадать же деньгам!

Два мира – два зефира

Смех – неплохое начало для дружбы, и смехом же хорошо ее закончить.

Оскар Уайльд

– Ты представляешь??!! – вытаращив на меня глаза, жаловались соседи-англичане – он даже не стриёт им коготки!!

Это они про трех здоровенных блохастых дворняг соседа Сотириса, стерегущих наш кондоминиум.

После того, как англичане заплатили за соседа налог на свою недвижимость, у них стало много поводов для жалоб.

Перед моими глазами возникла картина пастухов нашего Острова, вдохновенно делающих педикюр своим псам – и только долгие годы упорных тренировок на выслушивании разной управленческой дури от «эффективных менеджеров» позволили мне сохранить нейтрально-вежливое выражение лица.

– Да, представляю – ответила я – тут вообще вряд ли кто-то делает ЭТО со своими собаками.

Мы с англичанами поцокали языками, сокрушенно покачали головами и разошлись по берлогам.

Воображаю себе удивление наших псов, если бы Сотирис вдруг ПОСТРИГ им когти.

Заодно подумала, что сказала бы моя крымская бабуля, если бы от кого-то услышала, что нашему дворовому сторожу – псу Тузику – надо стричь когти...

И даже не могу преставить себе выражение лица соседей – что на Корфу, что в Крыму – если бы они застали кого-то за стрижкой когтей лохматой блохастой дворняге, круглогодично живущей в будке на улице.

Нет, я понимаю, что домашним, ухоженным животным, относящимся к категории «ручной милый туслик», это все надо, положено и вообще их владельцы делают много чего.

Но вот псы где-нибудь в деревне под Рязанью, которым хозяйева регулярно стригут когти... – представили себе?

Греческие пастухи и русские мужики-крестьяне, которые свои собственные черные крепкие ногти используют как часть сельскохозяйственного инвентаря, скорей станут толерантны к гомосексуалистам, чем к теме педикюра у собак.

Два мира, две культуры – и ведь каждый по-своему сугубо прав...

Англичане и собаки

Расстроенный сосед Эрик прошел мимо, ведя за собой на поводке отмытого до блеска деревенского пса. Статус чьей-то собаки был псу явно непривычен – и он не понимал, надо ли им гордиться или скрывать от собратьев, удивленно взирающих на его поводок и ошейник из ближайших кустов. На всякий случай пес старался идти с приобретенным хозяином в ногу, но поскольку у него было четыре ноги, а у Эрика две, пес с непривычки путался и в собственных лапах, и в поводке – и виновато сбоку поглядывал, робко улыбаясь.

– Привет, Эрик! – сказала я – У тебя новый друг?

– Да, хороший мальчик – ответил сосед – Но я не успеваю сделать ему билет в Англию, а мы послезавтра улетаем. Прививки-то мы сделали, но там надо ждать... В общем, мы будем искать передержку где-то у наших друзей на севере острова, в Ахарави, чтобы мальчик нас дождался, когда мы за ним приедем в феврале...

Ясно. Эрик снова подобрал где-то на горных дорогах Корфу никому не нужного больного, блохастого бездомного пса, вымыл его, вылечил и сделал ему прививки (что стоит примерно тысячу фунтов совокупно), постриг когти, купил ему ошейник и поводок – и все это для того, чтобы вывезти его в Англию и там пристроить в хорошую добропорядочную приемную семью, где остаток своих дней пес проживет как наследный принц.

Пес этого пока не знает – потому и не падает Эрику в ноги с криками: «Спаситель!», а просто старается попадать в такт шагов хозяина. Возможно, даже жалеет об утерянной свободе – потому что приятели грубо хихикают из кустов и показывают ему свежепойманную крысу, закатывая глаза и причмокивая... Наверняка ночью они побегут по оливковым рощам, распугивая мелкую дичь и зазевавшихся путников... И это будет не только мужская компания, ибо деревенские крепкие девки тоже любят погонять по горам вместе с парнями, помахивая хвостами и оглашая окрестности нежным визгом, децибелы которого сбивают вкусных летучих мышей и птичек... Эхехехе... все эти удовольствия остались в прошлом.

Зато у него есть ошейник, поводок и всегда полная миска сухариков! Сухарики не сочная крыса, конечно, но тоже создают ощущение приятной наполненности в животе. И если ради гарантированного корма надо потерпеть пару уколов в задницу и пенный душ, то что же – деревенским парням и не такое терпеть приходится ради того, чтобы набить свой вечно голодный поджарый живот! Вот только когти хозяин постриг зря, – пес снова поскользнулся на усыпанной оливками крутой дорожке и испуганно оглянулся: не услышал ли хозяин сорвавшееся с губ крепкое словцо, не передумает ли он брать его, неуклюжего увальня, с собой, заменив на кого-то из независимо хохочущих в кустах, но очень надеющихся на усыновление приятелей?... Нет, вроде не заметил... или не понял... Хозяин не знает греческий. Он англичанин, и ему незачем учить другие языки, потому что ему и так принадлежит весь мир.

За четыре года визитов на Остров Эрик вывез в Англию немало бездомных корфуанских собак. Потому что отношение англичан к собакам такое, что я легко прощаю соседям ночные громкие пьяные вечеринки на соседней террасе, взгляд свысока и вот это «Really?» – в ответ на почти любой рассказ почти любого собеседника, не англичанина.

Соня

Что вы знаете о любви?...

– Здравствуй... – прошептала мне в спину Соня...

– Она видела, что я стою к ней спиной у любимой часовенки при въезде в Спартилу и что-то тихо шепчу. Вот и решила не радоваться во весь голос.

– Здравствуй... – прошептала я в ответ, понимая, что фокус с тайным появлением в Спартиле в очередной раз не прокатил.

– Хорошая собака, моя собака... – баюкала я тихонько, гладила и чесала черную овчарку, прижимая к себе ее морду – и Соня повизгивала в ответ тоже тихо-тихо.

Она очень деликатная собака и всегда чувствует момент.

Молодая туристка замерла возле нас с айфоном в руках и что-то набирала или кому-то дозванивалась...

А может и снимала нас на видео, ибо мы обе – красавицы.

– Я люблю эту собаку, – сказала я туристке, – но она не моя, у нее есть хозяин.

Туристка улыбалась и продолжала что-то набирать в телефоне, не двигаясь с места и вообще не шевелясь.

Соня подумала, что раз я говорю с туристкой, то она имеет ко мне отношение, и подошла к ней поздороваться.

Туристка залезла на часовню и стала отпихиваться ногой.

– Она не кусается, – предупредила я туристку на пяти известных мне языках.

Туристка улыбалась и кивала, но с часовни не слезала.

– Соня, – тихо сказала я – елла сто спити су (иди к себе домой! греч.)

– Охи (нет – греч.), – тоже тихо, но упрямо ответила мне Соня.

– Соня, тебя же накажут, не беги со мной... а я в октябре снова к тебе приду – пообещала я.

– Нет, – сказала Соня и посмотрела на меня в упор.

– Соня, иди домой, ну пожалуйста – снова тихонько попросила я.

– Нет, – громко сказала Соня – и вообще, сегодня Бруно привязан, поэтому можешь говорить в полный голос, а вот что будет в октябре – не знаю, не знаю...

И Соня взглянула на меня с ухмылкой, приподняв правую бровь.

Мы побежали по оливковым рощам ко мне в Барбати. Как обычно. Как всегда уже пять лет – с момента нашей первой встречи.

Сзади туристка, пыхтя, слезала с часовни.

В Барбати Соня получила полную миску молока и вторую миску кошачьего корма (потому что собачьего у меня тут нету).

Она деликатно съела угощение:

– Ну, я пойду?

– Иди скорей и тихонько – вдруг твое отсутствие не заметили и тебя не накажут?...

– А! Да даже если заметили! Зато я целых сорок минут была только твоей собакой и ничьей больше! – ответила Соня и пошла в горы.

Что вы знаете о любви?...

Вам понравится

Охота – деятельность, связанная с поиском, выслеживанием, преследованием...

Я у нас тут на Острове делаю массаж у датской массажистки Марии, которая вышла замуж за грека из Спартилы, родила ему двух сыновей и создала у нас в Барбати неплохой СПА салон.

Мария говорит на нескольких европейских языках, в который входит и английский, поэтому мы увлеченно болтаем о разном в ходе процедуры, не испытывая проблем.

Сегодня она мне рассказывала про своего пса – золотистого лабрадора, а я в ответ сказала, что вот мол в Спартиле есть Соня и Бруно...

– Знаю, знаю – откликнулась Мария – их хозяин мой best man и крестный моих сыновей – он рассказывал, что они с тобой убегают!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.